Theme "children and war" in the works of the modern fantasy

From the position of the psychological analysis there are considered the ways of implementation of the theme "children and war" in the works by the modern fantast writers.

Key words: *conflict, children, war, fantasy, psychological analysis.*

С.В. ПЕРЕВАЛОВА
(Волгоград)

«ДА, МЫ ЖИВЕМ, НЕ ЗАБЫВАЯ …»: ТЕМА СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ В ПРОЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ-ФРОНТОВИКОВ 1980–2000-х ГОДОВ

Статья посвящена отражению Сталинградской битвы в прозе писателей-фронтовиков 1980–2000-х годов. Основное внимание уделяется анализу автобиографического романа «Мой Сталинград» М. Алексеева и повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда».

Ключевые слова: *современная русская литература, «лейтенантская проза», Великая Отечественная война, Сталинградская битва, писатели-фронтовики.*

Оказывается, война
не завершается победой…
Б. Слуцкий

Время, прошедшее со дня окончания Великой Отечественной войны, затянуло многие раны, однако оно не имеет власти над величием былого. Сколько бы лет не прошло, а «Сталинград – это недавно» (К. Симонов). Память о «днях и ночах» обороны города так или иначе, но ощутима в произведениях писателей-фронтовиков на протяжении всего двадцатого столетия, независимо от того, были ли они сами участниками незабываемого сражения. В своем рассказе-прощании «Пролетный гусь» (2001) В.П. Астафьев, воевавший на Брянском, Воронежском и Степном фронтах, с уважением вспоминает наших солдат, «прижатых к кромке берега Волги», заслонивших собой «клочок избитой, кровью пропитанной земли» [3, с. 20], подчеркивая особую значимость Сталинграда для самой жизни.

В.П. Некрасов, автор бессмертной повести «В окопах Сталинграда» (1945), созданной на основе личного фронтового опыта, делает главного героя рассказа «Девятое Мая», русского художника Вадима Николаевича Карташова, именно «сталинградцем». Каждый год (в рассказе – уже тридцать восьмой День Победы) Карташов вспоминает «баки на верхушке Мамаева кургана», «железную дорогу», «завод "Метиз"» и «мясокомбинат, в подвале которого находился КП 1-ого батальона...» [8, с. 535]. А «31-е января, яркий, солнечный день, когда немцы драпанули с Мамаева, помнится, как будто вчера произошло. И второе февраля, сталинградский день Победы, все небо в ракетах, трассирующих очередях…» [Там же, с. 542].

Отчетливо видится пережитое в дни боев на Волге и главному герою автобиографического романа М. Алексеева «Мой Сталинград» (1993–1997). М. Алексеев, после окончания педагогического техникума призванный в армию, прошел пять фронтов и путь от рядового солдата до подполковника. Предваряя произведение, автор, встретивший Сталинградскую битву младшим политруком минометной роты, так объясняет название: «Каждый из нас, кто был там, мог бы сказать: Сталинград – это моя судьба. И из слагаемого миллионов судеб зримо предстанет судьба победителей и побежденных, судьба живых и мертвых, больше мертвых, чем живых» [1, с. 7]. Автобиографическое начало, сводящее в романе художественный вымысел к минимуму, объясняется именно принадлежностью писателя к поколению фронтовиков, которое «само все видело, чувствовало, знало, ненавидело и боролось» (Ю. Бондарев). У М. Алексеева среди увиденного в те суровые годы и не «съеденного ржавчиной времени» (Д. Гранин) – подлинные номера подразделений и полков, «реальные персонажи со своими фамилиями, характерами, судьбами» [4, с. 47], невымышленные топографические обозначения. Объяснение этому – в признании писателя: «По наивности в годы войны я как-то не очень ответственно отнесся к тому, что на передовой нельзя вести никаких дневников, командиру особенно. Это категорически запрещалось, потому что они могли попасть в руки врага. И вот моя тетрадь сохранилась. У меня даже вышла небольшая

© Перевалова С.В., 2015

книжечка – “Тетрадь, начатая под Сталинградом”» [2, с. 96].

Эти фронтовые записи помогли сохранить документированную основу повествования в «Моем Сталинграде»: «К месту сосредоточения, к хутору Генераловскому, вышли к полудню и там “считать мы стали раны, товарищей считать”. И многих, даже очень многих не досчитались» [1, с. 17]; «Двое суток Елхи (а точнее, печные трубы, оставшиеся от хутора) удерживались немцами; на пятые сутки взяли их мы» [Там же, с. 126]; «Станция Абганерово, где наша дивизия в течение двух недель вела, может быть, самые кровавые в ее биографии бои с прорвавшимся врагом» [Там же, с. 213]; «А вот и скромный одноэтажный, но очень вместительный домик» в Бекетовке, где располагался Военный совет 64-й армии: там шел допрос «фельдмаршала Паулюса, командующего 6-й немецко-фашистской армией» [1, с. 232]; и, конечно, Волга, «которую русский человек называет не иначе как с присовокуплением слова “матушка”, жила в нас и без лозунгов, стучалась в душу. Там, на берегах великой реки, виделся нам рубеж, где враг должен быть остановлен» [Там же, с. 56]. Такие эмоционально насыщенные характеристики географических названий, которые и сегодня отмечены на карте Родины, воспитывают «духовную оседлость» (Д.С. Лихачев), заставляя сегодняшних читателей романа осознать: «Это и мой Сталинград!»: «в какой-то мере все мы тоже// вернувшиеся с той войны» (Н. Дмитриев).

«Мой Сталинград» вписывает имя М. Алексеева в вековечные традиции русской патриотической литературы: еще в Древней Руси «воинские повести в основном были посвящены обороне и милосердию в войне» [7, с. 601]. Повествуя о «непридуманных героях, о людях реальных, реально действовавших, во плоти и крови, из которых в живых останутся единицы» [1, с. 149], художник обращает внимание на значимость произведений искусства, поддерживающих боевой дух нашего доблестного воинства. В романе в минуты короткого затишья герои неотрывно следят за киноленой, запечатлевшей чтение Михаилом Царевым «Убей его!», – это стихотворение К. Симонова, «продиктованное жестоким временем» и опубликованное «Правдой» в январе 1942 г., по мнению фронтовиков, заслуживает «звания Героя Советского Союза: оно убило гитлеровцев больше, чем самый прославленный снайпер» (цит. по: [10]). М. Алексеев воспроизводит сильнейшее эмоциональное воздействие этого стихотворения на однополчан: оно входило в солдатские сердца, звенело в ушах не призывом поэта – военным приказом: «Сколько раз увидишь его,/Столько раз его и убей!».

На страницах романа М. Алексеева в солдатской памяти оживают и патриотические традиции русской классики, связанные с произведениями боевых офицеров М.Ю. Лермонтова и Л.Н. Толстого. Из «Тетради, начатой под Сталинградом», в роман переместилась лермонтовская «колыбельная в гайдуковском варианте»: вспоминая о доме, о семье, лейтенант Гайдук на свой лад переиначил строки классика, вложив в них собственные боль и надежду на новорожденного сына: «Богатырь ты будешь с виду и широк душой,/Никому не дашь в обиду Родины покой» [1, с. 33].

С первых страниц романа М. Алексеева-реалиста ощутима ориентация автора и на традиции Л.Н. Толстого, особенно – на «Севастопольские рассказы», характеризующиеся «расположением сцен по простому движению времени, обычно в пределах одного дня, и обрамлением или кольцевым построением» [Там же, с. 121]. Подобное построение – и в «Моем Сталинграде», где развитие сюжетного действия определяет не авторский вымысел, а сам ход и последовательность военных событий. Это позволяет не только связать воедино «начала и концы» разрозненных явлений и человеческих судеб, но и проследить изменения, происходящие в сознании и поведении персонажей, день за днем преодолевающих фронтовые испытания, преодолевающих боль, растерянность и страх. Подводя итоги одному из дней сражений – 2 сентября, автор с горечью и гордостью подчеркивает: «К сожалению, той ночью, о которой только что рассказано, многие погибли, не успев проявить ни доблести, ни славы. Оставшиеся в живых, однако, днем позже и во все последующие до конца великого сражения полной мерой проявят и то, и другое» [Там же, с. 125].

Преемственность патриотических традиций, напоминающих о подвигах русских ратников, подчеркивает в романе Алексеева и слово «солдат»: оно, «ставшее фактом пассивного словаря в связи с ликвидацией царской армии, в годы Великой Отечественной войны начинает выступать в качестве параллельного наименования защитника Родины, синонимизируясь с рядом лексем – боец, красноармеец, воин» [6, с. 85]. Примером может служить отмеченное М. Алексеевым: «Пополнение приходило и сейчас же вступало в бой. Волна за волной из разных краев страны, чуть ли не на

четверть укороченной с ее огромными людскими и материальными ресурсами, все-таки прибывали и прибывали, вливались в бой новые солдаты, командиры и красноармейцы» [1, с. 137], одержимые одной целью – остановить вражеское нашествие.

В своем «невыдуманном романе» (М. Алексеев), приобретающем сильнейшее антивоенное звучание, прозаик не раз вспомнит об искореженном боями лике родной земли. Родившийся в большой крестьянской семье, немало рассказавший о жизни деревни (в романах «Вишневый омут», «Ивушка неплакучая», в повести «Хлеб – имя существительное»), в «Моем Сталинграде» М. Алексеев «страстью души и кровью сердца» (С. Борзунов) пишет о «раскаленной, окаменевшей земле», о «каменно-желтой земле», «выжженной, полынно-горькой и солоноватой от крови земле». Эта ставшая родной земля в те страшные годы молила о спасении и помогала «защитникам Отечества… собраться с новыми силами и выйти опять на рубеж кровавого единоборства. И победить в этом единоборстве. Ну, а какой ценой? Но кто же думает о цене в таком случае» [Там же, с. 99].

В единый сюжет вплетены у Алексеева и картины трагических боев («черное, выжженное “катюшами” и немецкими шестиствольками поле было сплошь усеяно телами. И не разобрать – чьих было больше – наших или немецких» [Там же, с. 35]), и фронтовые будни, подсвеченные искорками юмора. Это естественно: «...юмор присущ русской душе как вечно неизбывное влечение, как неиссякаемый источник жизни и искусства – будь то радости современного бытия, величайшая нужда, тюрьма или окопы» [5, с. 180]. М. Алексеев по памяти воссоздает незабываемую сцену: «А из Сталинграда все эти дни бесконечной вереницей медленно движутся в сторону Бекетовки колонны военнопленных немцев. Солдаты идут, обмотанные тряпьем, на ногах что-то навернуто, они идут понуро, жалкие, грязные, перезябшие … На пленных смотрит сталинградская старуха. Ей лет семьдесят. Все лицо исполосовано морщинами, время от времени старуха замечает, да так, чтобы ее слышали в колонне: “Ну да Бог им судья! Пущай уж живут, коли сдалися. Но што они, сынок, тут творили! Что творили!.. Не приведи, Господи!.. Вот бы их такими самому Хитлеру показать … нечистая он сила, до какого сраму людей своих довел!.. А вон, глянь на того, сопливого, штаны поддерживает, несчастный … Пуговица, знать, оторвалась. Господи, Господи, мать небось у него есть где-то, ждет…”. Колонне не видать конца. Она движется, движется, извиваясь меж развалин, как огромная пестрая змея. Сталинградская старуха продолжает: “Сам, сказывают, Паулюс сдался в плен-то. Так, что ли, сынок?” – спрашивает она теперь уже у меня. На вопрос старой отвечаю утвердительно и сообщаю еще, что только вчера Гитлер присвоил ему звание фельдмаршала. Старуха минуту думает, потом решительно заключает: “Должно, тоже для поддержки штанов…”» [1, с. 234–235].

«Глубина биографического отпечатка» (Б. Пастернак) ведет М. Алексеева от личных воспоминаний к раскрытию психологии становящегося, мужающего воина, душу которого питают идеалы народной жизни, от описания событий – к их анализу в неразрывной связи с потоком времени, в котором живут автобиографический герой, его рота и вся страна, к философским обобщениям и выводам: «В Сталинградском побоище участвовали миллионы солдат. И в судьбе каждого, взятого отдельно, Сталинград 42-го и 43-го отразился по-своему. Он, этот отдельно взятый, мог быть участником великой битвы всего лишь один час или даже одну минуту, но этот час и эта минута стоили целой жизни, потому что из Сталинградского сражения выйти живым – это почти противоестественно, погибнуть в нем – это в порядке вещей, это почти неизбежно» [Там же, с. 7].

Писателю удалось запечатлеть высоту духа живых и павших, но не отступивших за Волгу. Память об этом и сегодня жива в сердцах благодарных потомков. Ратный подвиг Сталинграда не только тревожит их души, но и заставляет по-граждански зрело мыслить и действовать. Включая во вторую книгу романа главы «Тридцать лет спустя», «Сорок лет спустя», «Пятьдесят лет спустя», М. Алексеев говорит о том, что свет великой победы на Волге простирается далеко во времени, оживая в семейных преданиях, рассказах ветеранов, книгах, песнях и кинофильмах, словно утверждая: «Сталинград – это навсегда».

Список литературы

1. Алексеев М. Мой Сталинград: роман. М.: Дружба народов, 2000.

2. Алексеев М. Нельзя поправлять историю // Книги не молчат. Из публицистики 80-х. М.: Современник, 1989. С. 93–99.

3. Астафьев В.П. Пролетный гусь // Новый мир. 2001. № 1. С. 8–36.

4. Семен Борзунов. Зов памяти: Послесловие к изданию: Михаил Алексеев. Мой Сталинград // Роман-газета. 1993. № 1. С. 47–50.

5. Ильин И. Сущность и своеобразие русской культуры // Москва. 1996. № 1. С. 169–190.

6. Кожин А.Н. Новые явления в русском языке периода Великой Отечественной войны // Вопросы языкознания. 1985. № 6. С. 77–86.

7. Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л.: Сов. писатель, 1989.

8. Некрасов В. Девятое Мая // Некрасов В. В окопах Сталинграда. М.: Эксмо, 2013. С. 532– 549.

9. Эйхенбаум Б.М. Молодой Толстой // Эйхенбаум Б.М. О литературе: работы разных лет. М.: Сов. писатель, 1987. С. 34–139.

10. Лазарев Л. Константин Симонов: Очерк жизни и творчества / 2-е изд. М.: Худож. лит., 1986. С. 65.

* * *

1. Alekseev M. Moj Stalingrad: roman. M.: Druzhba narodov, 2000.

2. Alekseev M. Nel'zja popravljat' istoriju // Knigi ne molchat. Iz publicisti-ki 80-h. M.: Sovremennik, 1989. S. 93–99.

3. Astaf'ev V.P. Proletnyj gus' // Novyj mir. 2001. № 1. S. 8–36.

4. Semen Borzunov. Zov pamjati: Posleslovie k izdaniju: Mihail Alekseev. Moj Stalingrad // Roman-gazeta. 1993. № 1. S. 47–50.

5. Il'in I. Sushhnost' i svoeobrazie russkoj kul'tury // Moskva. 1996. № 1. S. 169–190.

6. Kozhin A.N. Novye javlenija v russkom jazyke perioda Velikoj Otechestvennoj vojny // Voprosy jazykoznanija. 1985. № 6. S. 77–86.

7. Lihachev D.S. Zametki i nabljudenija: Iz zapisnyh knizhek raznyh let. L.: Sov. pisatel', 1989.

8. Nekrasov V. Devjatoe Maja // Nekrasov V.V okopah Stalingrada. M.: Jeksmo, 2013. C. 532– 549.

9. Jejhenbaum B.M. Molodoj Tolstoj // Jejhenbaum B.M. O literature: raboty raznyh let. M.: Sov. pisatel’, 1987. S. 34–139.

10. Lazarev L. Konstantin Simonov: Ocherk zhizni i tvorchestva / 2-e izd. M.: Hudozh. lit., 1986. S. 65.

“Yes, we live and keep the memory…”: theme of the Battle of Stalingrad in the prose by veteran writers of the 1980-2000

The article is devoted to the reflection of the Battle of Stalingrad in the prose works by Russian authors, veterans of the Great Patriotic war, created in the 1980-2000. Such novels as 'My Stalingrad' written by Mikhail Alekseev and 'In the Trenches of Stalingrad' by Viktor Nekrasov are in the spotlight of the author's attention.

Key words: *modern Russian literature, the Great Patriotic War, the Battle of Stalingrad, veteran writers.*